

Гу Сяодун на некоторое время поселился в покоях Ань Жои. Оказалось, что у его родителей было целых три двора: один общий и два личных, где они жили порознь. Юношу разместили как раз в усадьбе матери. Сама Ань Жои целыми днями была занята делами и почти не навещала сына, поэтому чаще всего он общался со слугами и служанками.

Каждый день в назначенное время к Гу Сяодуну приходили лекари. Но никто из них по мастерству не мог сравниться с его приемным отцом: они и близко не замечали особенностей его тела, не подозревая, что большинство обычных снадобий на него попросту не действуют. Сам Сяодун о своей сути целебного человека помалкивал, так что лекарства он пил исправно, ел за двоих, да и горечь терпел безропотно.

На следующий день после освобождения из темницы явился наставник по закаливанию тела. Помимо мучительного вытяжения костей, мальчику прокололи мочки ушей — сразу по две дырки с каждой стороны. Уши нестерпимо зудели и ныли, а поскольку целебная кровь здесь была бессильна, да ещё и глаза оставались завязаны плотной марлей, сон его превратился в рваные куски: он спал урывками то днём, то посреди ночи.

Мать за ним не присматривала, и Гу Сяодун был предоставлен сам себе. Когда становилось совсем невмоготу, он ощупью выбирался во двор и бесцельно бродил среди деревьев. Служанки следовали за ним тенью, но заговаривать не спешили, отвечая на его расспросы лишь сухими, почтительными фразами.

Как-то днём Сяодун дремал в комнате. Сколько прошло времени, он не знал, но сквозь сонную пелену уловил тихие шаги Ань Жои. Она вошла, постояла над ним, а после вышла в прихожую и негромко заговорила с кем-то.

Ей отвечал приятный мужской голос:

— Губы у него ваши, переносица — вылитый зять. А глаза?

— Ни на чьи не похожи, — отозвалась Ань Жои. — Движения грубые. Всё же слишком долго он мыкался по дорогам, впитал в себя уличную пыль.

— Всё со временем наладится, — негромко рассмеялся собеседник. — Да, чуть не забыл: Вторая мисс Су просила замолвить словечко. Когда в следующем году откроется частная школа, пусть Минья тоже учится здесь. Лучше всего поселить его прямо у нас, в поместье Гу, а домой отпускать лишь на несколько дней в месяц.

— Канцлер Су на такое не пойдёт. Старший молодой господин — их единственное сокровище, вся столица знает, как они над ним дрожат.

— Оттого-то она и умоляла меня поговорить с вами, — со вздохом продолжил юноша. — Тесть с тещей слишком уж балуют Минья. Раньше Вторая мисс тоже во всём потакала брату, но в этом году, глядя, как его ровесник Цзиньюй стал компаньоном наследной принцессы, занервничала. Бойтся, что слепая любовь окончательно сгубит мальчишку.

Ань Жои снисходительно усмехнулась:

— Только сейчас спохватилась.

— В следующем месяце Пинхань блестяще сдаст осенние экзамены, и тогда Вторая мисс занервничает ещё сильнее. Она непременно попытается убедить родителей. Если возможно, сестра, попроси зятя намекнуть об этом канцлеру Су при личной встрече в совете. Слова мужа всегда звучат веско и бьют точно в цель, тогда дело наверняка выгорит.

— С его-то слабым здоровьем? Если с Су Минья в нашем доме что-нибудь случится, канцлер Су явится сюда с тяжёлой каменной чернильницей наперевес, чтобы размозжить нам головы.

Юноша снова рассмеялся:

— Ну, до этого не дойдёт, ведь там буду я. Да и здоровье у Минья не такое уж хрупкое, как болтают в народе, — просто в семье Су его слишком изнежили. Если отправить с ним двоих хороших лекарей, ничего дурного не случится. Глядишь, здешний воздух пойдёт ему на пользу, а то дома с него пылинки сдувают.

— Чжэньвэнь, в таком случае тебе и самому стоит бывать у нас почаще, — мягко произнесла Ань Жои. — В дни отдыха мог бы читать лекции в Восточном лесном саду. Если такой почтенный учёный, как ты, станет наставником, семейство Су и другие знатные дома будут спокойны. А после занятий поделишь со мной ужин.

— Хорошо, я обсужу это с женой...

Гу Сяодун, до этого лежавший в полузабытьи, при звуках имени «Минья» мгновенно встрепенулся. Сон как рукой сняло. Он понял, что за стеной с его матерью беседует тот самый дядя-интеллектуал, сдавший экзамен на звание третьего лауреата и женившийся на Второй молодой госпоже Су.

Выходить к ним юноша не решился. Он дождался, пока шаги за дверью стихнут, и только тогда поднялся с постели. Уши нестерпимо горели и чесались, трогать их было нельзя, поэтому он решил унять тоску привычным делом — прогулкой по саду. За последние несколько дней он исходил этот двор вдоль и поперёк и прекрасно ориентировался в темноте.

Здесь росли особые деревья, источавшие тот самый тонкий аромат, который Сяодун постоянно чувствовал от рукавов Ань Жои. Как оказалось, эти цветы хорошо отпугивали мошкарку.

Обладая чутким обонянием, юноша безошибочно находил их в саду и частенько забавлялся, обрывая лепестки.

Вот и сейчас он по запаху пробрался к душистым зарослям. На душе было скверно, и он от скуки взобрался на нижнюю ветку одного из деревьев. Но не успел устроиться поудобнее, как снизу раздался строгий голос служанки:

— Молодой господин, немедленно спуститесь. Если вы сломаете ветку, госпожа прикажет выкорчевать это дерево.

— Хорошо-хорошо, не губите его, я уже слезаю, — забормотал Сяодун.

Он соскользнул на землю и ласково похлопал по стволу, шепча:

— Какая же ты неженка, чуть без дома не осталось. Больше не буду тебя трогать, только цветы получше.

Стоило ему повернуться, как налетевший порыв осеннего ветра осыпал его дождём из лепестков. Сяодун, подобно взъерошенному щенку, замотал головой, отряхиваясь, но от резкого движения потревоженные мочки ушей пронзила острая боль. Прошипев сквозь зубы проклятие, он зажал уши руками и присел на корточки.

В этот момент неподалёку раздался звонкие голоса служанок:

— Приветствуем молодого господина Су.

Сяодун замер.

— Это Су Минья? — вырвалось у него.

Служанки всполошились и принялись наперебой извиняться перед гостем за непочтительность своего подопечного.

Но из-за деревьев раздался мягкий, удивительно певучий голос:

— Пустяки. Не знал, что в поместье Гу появился новый молодой господин.

Сердце Сяодуна бешено заколотилось. Это действительно был он! Тот самый прекрасный, болезненный юноша, которого он мельком видел прежде!

Слабые, утончённые юноши всегда вызывали у него необъяснимый трепет, а образ этого

красавца давно не выходил у него из головы. Не раздумывая ни секунды, Сяодун сорвал с лица плотную марлевую повязку.

Служанки ахнули, бросившись к нему, чтобы помешать, но было поздно. Сяодун зажмурился от хлынувшего в глаза яркого света, жалобно пискнул и уткнулся лицом в колени, сжавшись в крохотный комочек.

Су Минья с недоумением наблюдал за этой сценой.

Спустя мгновение странный юноша резко вскочил. Его одежда была усыпана мелкими лепестками, а уши закрывали нелепые лоскуты синей ткани, из-под которых виднелись распухшие мочки. Выглядел он невероятно комично. Ветер растрепал его волосы, полы одежд взметнулись вверх, и в этом хаосе из летящих цветов и кружевной ткани было что-то неземное, почти призрачное.

Из-за своей чухотки Су Минья держался подальше от цветущих деревьев, поэтому Сяодуну пришлось самому выбежать к нему навстречу, сияя от радости, словно нашедший сокровище воробей.

— Молодой господин Су, приветствую! — звонко крикнул он.

Глаза его ещё слезились от непривычного света, а щёки залил яркий румянец. После долгой темноты первым, что он увидел, было прекрасное лицо этого болезненного юноши.

Спешно представившись, Сяодун окончательно растерялся. Он неловко снял со своего плеча зацепившийся цветок и протянул его гостю:

— Молодой господин Су, это вам в честь нашей встречи. Нравится?

Он подошёл слишком близко, так что Су Минья ощутил тепло его дыхания. Гость опешил. Служанки тут же оттащили Сяодуна назад, рассыпаясь в извинениях. Су Минья лишь вежливо кивнул и поспешил уйти.

Цветок так и остался лежать на земле — поднимать его молодой господин Су, конечно же, не стал. Но даже вернувшись в своё поместье, он то и дело ловил себя на мысли об этой нелепой веточке.

Поздним вечером его зять Ань Чжэньвэнь осторожно спросил, не хочет ли он в следующем году отправиться на учёбу в усадьбу Гу. Юноша на мгновение задумался, и в его памяти вновь возник образ осыпающегося сада и протянутого цветка.

— Да, — тихо ответил он.

Самовольное избавление от повязки разгневало Ань Жои. Вечером она лично явилась к сыну. Гу Сяодун поспешно склонил голову, бормоча извинения. Женщина осторожно коснулась его покрасневших век, а затем резко сжала пальцами распухшую мочку уха.

Сяодун взвыл и скорчил жалобную гримасу, тут же получив строгий выговор:

— Когда же ты наконец научишься вести себя достойно?

Мальчик мгновенно выпрямился и напустил на себя самый серьёзный вид:

— Прямо сейчас!

Ань Жои на секунду замерла. Этот нелепый порыв показался ей забавным и даже милым. Опустив руку, она тихо произнесла:

— Сяодун, держись от Су Минья подальше. Понял?

Юноша не посмел перечить и послушно кивнул:

— Хорошо, матушка. Это из-за того, что он болен?

Ань Жои лишь молча кивнула. Она не стала объяснять сыну, что их семья уже породнилась с домом Су через Ань Чжэньвэня, и тратить лишние силы на укрепление связей не имеет смысла.

Сяодун подался вперёд и тихо спросил:

— Матушка, а с кем же мне тогда можно дружить?

Взгляд Ань Жои мгновенно похолодел. Она медленно отстранилась:

— Подрастёшь — узнаешь.

На следующий день Гу Сяодуна отослали обратно в Восточный лесной сад. Оказавшись у ворот усадьбы, он застыл как вкопанный, не в силах отвести взгляд от заброшенного домика, где когда-то жил Чжан Дэнцин. Из глаз его покатались беззвучные слёзы — только теперь он по-настоящему осознал, как глубок его удел одиночества.

Чжу Ми всё ещё не вернулся. Вместо него Ань Жои прислала двоих молодых слуг. Их звали Фэнъэнь и Фэнхуань. Оба были хороши собой, но держались как-то странно. Сяодун пока не мог понять, что именно его смущает, и лишь молча разглядывал новоприбывших.

В отличие от вечно хмурого Чжу Ми, эти двое часто и приветливо улыбались. Когда Сяодун закончил переписывать книгу, Фэнъэнь принялся аккуратно убирать письменные принадлежности и с улыбкой заметил:

— Молодой господин, если мы делаем что-то не так, не молчите, укажите на наши ошибки.

Сяодун долго и пристально смотрел на него. В душе его росло странное предчувствие. Сделав знак остальным слугам удалиться, он дождался, пока они останутся втроём, и негромко произнёс:

— Когда я со своей прежней семьёй бродяжничал и торговал мелочью, мне приходилось видеть самых разных людей. У некоторых из них были особенные манеры, которые врезаются в память. Стоит встретить кого-то похожего, и сразу понимаешь: они из одного круга. Фэнъэнь, мне кажется, от вас двоих исходит то же самое чувство. Я хотел спросить напрямую, но побоялся, вдруг я по глупости всё перепутал...

Братья переглянулись и мягко рассмеялись:

— Молодой господин вовсе не глуп. Спрашивайте о чём угодно, мы ответим без утайки.

Сяодун замялся, потёр шею и совсем тихо спросил:

— Вы ведь раньше... жили в весёлых кварталах?

За пять лет скитаний он с приёмным отцом повидал всякое. Ему случалось встречать обитателей публичных домов, и в их повадках всегда оставался едва уловимый, неизгладимый отпечаток ремесла. Сяодун испугался собственной догадки, но взгляд его не обманул.

В комнате повисла тишина. Фэнхуань опустил голову, а Фэнъэнь сделал шаг вперёд и плавно опустился на одно колено перед юношей.

— Да, — негромко ответил он. — Ваша проницательность поразительна.

Сяодун растерялся и попытался поднять его, но слуга мягко покачал головой и продолжил:

— Простите, что не открыли правду сразу. Мы с Фэнхуанем — дети осуждённых преступников. В наказание за грехи отцов нас продали в весёлые дома. Позже госпожа разыскала нас и выкупила.

От этих слов у Сяодуна перехватило дыхание, а сердце забилось чаще. Он вспомнил рассказы Гу Цзиньюя о том, как клан Гэ оклеветал семью Ань, подставив под удар весь их род.

— Значит, вы... тоже из клана Ань? — прошептал он, приседая рядом со слугой.

Фэнъэнь на миг замер, а затем с грустной улыбкой кивнул:

— Да.

Он прижал палец к губам, призывая к молчанию:

— Хоть наш род и безвиновен, официально обвинения так и не сняты. Госпожа проявила милосердие, приютив нас. Пожалуйста, сохраните это в тайне.

Сяодун закивал так часто, что у него закружилась голова, а к горлу подступил горький ком.

После полудня Фэнъэнь повёл его к конюшням. На поле они увидели Гэ Дунчэня, который снова приехал с визитом в поместье Гу.

Обладая отменным зрением, молодой человек ещё издали заметил Сяодуна и тут же направил коня в его сторону, намереваясь поприветствовать.

Однако давешний простодушный малый, которого так легко было обвести вокруг пальца, при виде гостя лишь сухо развернулся и зашагал прочь.

Гэ Дунчэнь удивлённо приподнял брови. Ударив коня каблуками, он преградил юноше дорогу и, перевесив поводья, с улыбкой окликнул его:

— Братец Сяодун, сколько зим!

— Добрый день, господин Гэ, — Сяодун вежливо сложил ладони в приветствии и попытался обойти лошадь. — Не смею вам мешать, мне пора на конную прогулку.

Гэ Дунчэнь так и застыл в седле с открытым ртом.